

445
822

**ЛИЧНОСТЬ
И
УСЛОВІЯ
ЕЯ РАЗВИТІЯ И ЗДОРОВЬЯ.**

Рѣчь, произнесенная 4-го Сентября 1905 г. на второмъ съѣздѣ
отечественныхъ психіатровъ въ гор. Кіевѣ

Академика **В. Бехтерева.**

Второе изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккега.
Невскій просп., 14.
1905.

Цѣна 40 коп.

Изданія К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,

Невскій проспектъ, 14.

- Психика и жизнь. Соч. В. М. Вехтерева. 2-е значит. дополн. и частью перераб. изд. 1904, ц. 1 р. 50 к.
- Внушение и его роль въ общественной жизни проф. В. М. Вехтерева. 2-е значит. дополн. издание. 1904, ц. 1 р.
- Лечебное значеніе гипноза. Рѣчь проф. В. М. Вехтерева. 1900, ц. 30 к.
- О локализациі сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Рѣчь проф. В. М. Вехтерева. 1896, ц. 60 к.
- О чувственной памяти проф. Т. Рибо. Пер. съ франц. подъ ред. проф. В. М. Вехтерева. 1895, ц. 40 к.
- Основы ученія о функцияхъ мозга. Академика проф. В. М. Вехтерева. Вып. IV. 1905, ц. 2 р.
- Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. Лекція проф. В. М. Вехтерева. 1896, ц. 50 к.
- Проводящіе пути спинного и головного мозга. Руководство къ изученію внутреннихъ связей мозга. 2-е соверш. перераб. и ан. доп. издание. Ч. I. Методы изслѣдованія волокна спинного мозга и мозгового ствола. Съ 302 рис. 1896. Ц. 3 р. 50 к. Ч. II. Волокна мозжечка, мозг. волокна полушарій и общ. обзоръ провод. системъ. 255 рис. и 1 хромолитогр. табл. 1898, ц. 3 р. 50 к.
- Сифилисъ центральной нервной системы проф. В. М. Вехтерева 215 стр. съ 24 фиг. въ краск. 1902, ц. 1 р.
- Невропатологическія и психіатрическія наблюденія проф. В. М. Вехтерева 1900, Ц. 2 р.
- Нервные болѣзни въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ. Вып. 1—2. 1899, ц. 3 р. 50 к.
- Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ профес. В. Вундта. Переводъ съ 2 нѣмецк. издан. д-ра П. Я. Розенбаха. Съ 45 рис. 1894, ц. 5 р.
- Психологія проф. У. Джемса. Перев. съ англійск. прив.-доц. И. И. Лапшинка. 5 русск. изд. Съ 66 рис. 1905, ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.
- Судебная Психопатологія проф. Р. фонъ Брафть-Эбинга. Переводъ съ 3 нѣм. изд. съ примѣчаніями и дополненіями по русск. законодательству д-ра А. Черемшанскаго. 1895, ц. 5 р.
- Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма проф. Р. фонъ Брафть-Эбинга. Перев. съ 2 нѣм. изд. д-ра П. Розенбаха. 1889, ц. 1 р.
- О значеніи мозговыхъ болѣзней для психологіи. Рѣчь д-ра П. Я. Розенбаха. 1892, ц. 60 к.
- О причинахъ душевныхъ болѣзней. Публичная лекція А. Ф. Эрлицкаго, читанная 18 февраля 1892, ц. 60 к.
- Современный мистицизмъ. Критическій очеркъ д-ра П. Я. Розенбаха. 1891, ц. 60 к.
- Ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ. Публичная лекція П. Я. Розенбаха. 1893, ц. 60 к.
- О выраженіи глазъ. Рѣчь д-ра мед. М. Рейхъ. 1899, ц. 50 к.
- Уходъ за зубами и полостью рта. Руководство сост. д-мъ С. Ейсе. Переводъ съ нѣм. д-ра П. Н. Булатова. Съ 38 рис. 1901, ц. 60 к.
- Зубы и ихъ сохраненіе. Публ. лекція д-ра мед. П. Ф. Фодорова. Съ 7 рис. 1889, ц. 40 к.

445
822

Ма от 8

901-79
13578

ЛИЧНОСТЬ

И

УСЛОВІЯ

ЕЯ РАЗВИТІЯ И ЗДОРОВЬЯ.

Рѣчь, произнесенная 4-го Сентября 1905 г. на второмъ сѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ гор. Кіевѣ

Академика В. Вехтерева.

Второе изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій просп., 14.
1905.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

9794-47

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

ЛИЧНОСТЬ

и

УСЛОВІЯ ЕЯ РАЗВИТІЯ И ЗДОРОВЬЯ.

Академика *В. Бехтерева.*

Мм. Г-ни и Мм. Г-ри!

Для врачей-психіатровъ представляется совершенно избитой истиной, что психическія болѣзни и состоянія вырожденія суть болѣзни личности. Въ виду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильнаго ея развитія составляетъ ту непосредственную цѣль, къ которой прежде всего долженъ стремиться каждый изъ врачей, посвящающихъ себя изученію душевныхъ разстройствъ. Руководясь этимъ, я полагаю, что собравшіеся здѣсь не посѣтуютъ на меня, если я займу ихъ вниманіе вопросами, связанными съ личностью и охраною ея здоровья и правильнаго развитія съ точки зрѣнія врача-психіатра.

Прежде всего мы должны выяснить для себя, что слѣдуетъ понимать подъ названіемъ личности?

Должно имѣть въ виду, что въ отношеніи психологическаго опредѣленія личности мы встрѣчаемся еще съ большими противорѣчіями въ наукѣ. Дѣйствительно, по поводу понятія личности высказывались различные взгляды и мнѣнія въ зависимости отъ того направленія въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, котораго держались различныя психологическія школы.

Такъ, нѣкоторые изъ англійскихъ ассоціонистовъ, какъ J. St. Mill, понимаютъ личность, какъ рядъ представленій, изъ которыхъ всѣ отъ перваго до послѣдняго ассоціативно сдѣланы другъ съ другомъ и могутъ воспроизводиться памятью, образуя собою какъ бы одинъ сознательный рядъ. Благодаря этому, память и личность рассматриваются, какъ различныя явленія одного и того же порядка.

По James'у дѣло сводится къ тому, что каждая мысль знаетъ обо всемъ, что ей предшествовало въ сознаниі, при чемъ каждая мысль, потухая, передаетъ слѣдующей въ наслѣдство знаніе о своемъ психическомъ содержаніи.

Очевидно, что и по James'у личность является также функціей памяти, но сущность личности по James'у сводится къ тому, что каждая мысль является обладательницей содержанія всѣхъ предшествовавшихъ мыслей, при чемъ, не зная самое себя, она въ свою очередь будетъ узнана послѣ своего отживанія послѣдующей мыслью.

По B. Sidis'у ¹⁾, чистое „я“ или личность не представляетъ собою ряда мыслей, потому что „несвязанный рядъ не можетъ образовать единства личности; также личность не простой синтезъ проходящихъ мыслей, потому что въ каждой пробѣгающей волнѣ сознания можетъ существовать синтезъ или память, а личности все-таки не быть“.

„Центральный пунктъ „я“ или личности заключается въ томъ фактѣ, что мысль знаетъ и критически контролируетъ въ самомъ процессѣ мышленія, въ самый моментъ своего существованія“. „Однимъ словомъ только моментъ самосознанія дѣлаетъ сознание личностью“.

Если предыдущіе авторы стараются ограничить понятіе личности, отождествляя ее или съ памятью, какъ дѣлаетъ D. St. Mill, или съ потокомъ преемственно передающихся мыслей, какъ допускаетъ James, или съ самосознаніемъ, какъ признаетъ B. Sidis, то имѣются авторы, которые чрезмѣрно расширяютъ понятіе личности, отождествляя съ этимъ понятіемъ всѣ вообще процессы психической дѣятельности.

Такъ, проф. Анфимовъ, говоря о личности или „я“, за-

¹⁾ B. Sidis. Психологія внушенія. Р. П.

мѣчаетъ, что къ характеристикѣ личности относятся всѣ психическіе процессы, составляющіе въ цѣломъ наши умственные способности. Наше „я“ не представляетъ собою отдѣльной сущности въ психической жизни человѣка: это вѣроятно только особая функція сознанія, формирующая сложную картину нашего душевнаго міра. Оно съ строго психологической точки зрѣнія есть частное явленіе въ жизни сознанія, которое можетъ быть, можетъ и не быть.

Итакъ, психологія личности по проф. Анфимову „обнимаетъ собою въ практическомъ смыслѣ все, что составляетъ умъ человѣка, а въ научномъ—всѣ тѣ сложнѣйшіе процессы, которые рассматриваются въ школьной психологіи въ отдѣлѣ познанія, чувства и воли ¹⁾“.

Другіе авторы въ личности видѣли нѣчто объединяющее и синтезирующее въ психической жизни. По Janet ²⁾ личность есть ничто иное, какъ соединеніе въ психической жизни индивида всего прошедшаго, настоящаго и предвидимаго будущаго. Такой выводъ имъ сдѣланъ изъ анализа дезагрегации или расчлененія психическихъ процессовъ при болѣзняхъ личности. По Ribot ³⁾ въ виду фактовъ удвоенія и утроенія личности слѣдуетъ признать отличительной особенностью послѣдней координацию психическихъ процессовъ. Единство координиціи и отсутствіе координиціи—вотъ двѣ крайности, среди которыхъ вращается личность.

Нѣкоторые авторы, развивающіе тотъ же взглядъ, отличительными признаками личности признаютъ наиболѣе полную гармонию, наивысшій синтезъ и объединеніе и рассматриваютъ самую личность, какъ выраженіе гармоніи и единства психическихъ отправленій.

Эти опредѣленія въ общемъ довольно близко подходятъ къ сути дѣла, но и они еще не могутъ быть признаны полными.

Мы полагаемъ, что кромѣ объединяющаго начала подъ личностью слѣдуетъ понимать и направляющее начало, ко-

¹⁾ Проф. Анфимовъ. Личность и Сознаніе. Актовая рѣчь. Томскъ.

²⁾ Janet. Etat mentale des hysteriques.

³⁾ Ribot. Des maladies de la personnalité.

торое руководить мыслями, дѣйствіями и поступками человека.

Такимъ образомъ кромѣ внутренняго объединенія и координаціи личность, какъ понятіе, содержитъ въ себѣ и активное отношеніе къ окружающему міру, основанное на индивидуальной переработкѣ внѣшнихъ воздѣйствій.

Въ этомъ опредѣленіи на ряду съ субъективной стороной выдвигается, какъ легко видѣть, и объективная сторона личности. Мы думаемъ, что въ вопросахъ психологическихъ мы не должны нынѣ пользоваться одними субъективными опредѣленіями. Психическая жизнь есть не только рядъ субъективныхъ переживаній, но она вмѣстѣ съ тѣмъ выражается всегда и опредѣленнымъ рядомъ объективныхъ явленій.

Въ этихъ объективныхъ явленіяхъ собственно и содержится то обогащеніе, которое вноситъ личность въ окружающій ее внѣшній міръ. Мы скажемъ болѣе! Только объективныя проявленія личности доступны внѣшнему наблюденію и только они одни составляютъ объективную цѣнность.

По Ribot „реальная личность—это организмъ и его высшій представитель мозгъ, заключающій въ себѣ остатки всего, чѣмъ мы были, и задатки всего, чѣмъ мы будемъ. Въ немъ начертанъ индивидуальный характеръ со всѣми своими дѣятельными и пассивными способностями и антипатіями, своимъ геніемъ, талантомъ и глупостью, добродѣтелями и пороками, неподвижностью и дѣятельностью“.

Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ короче: личность съ объективной точки зрѣнія есть психическій индивидъ со всѣми его самобытными особенностями—индивидъ, представляющійся самодѣтельнымъ существомъ по отношенію къ окружающимъ внѣшнимъ условіямъ.

Должно имѣть въ виду, что ни оригинальность ума, ни творческія способности, ни то, что извѣстно подъ названіемъ воли, въ отдѣльности ничто не составляетъ личности, но общая совокупность психическихъ явленій со всѣми ихъ особенностями, выдѣляющая данное лицо отъ другихъ и обуславливающая ея самодѣтельность, характеризуетъ личность съ объективной ея стороны.

Умственный кругозоръ представляется неодинаковымъ между лицами различно образованными, но ни одинъ изъ нихъ не теряетъ права на признаніе въ немъ личности, если только онъ проявляетъ въ той или другой мѣрѣ свое индивидуальное отношеніе къ окружающимъ условіямъ, представляясь самодѣтельнымъ существомъ. Только утрата этой самодѣтельности дѣлаетъ человека вполне безличнымъ; при слабомъ же проявленіи самодѣтельности мы можемъ говорить о слабо развитой или пассивной личности.

Итакъ, личность съ объективной точки зрѣнія есть ничто иное, какъ самодѣтельная особь со своимъ психическимъ укладомъ и съ индивидуальнымъ отношеніемъ къ окружающему міру.

Если мы, пользуясь сдѣланнымъ нами опредѣленіемъ личности, обратимся къ выясненію ея роли въ общественной жизни, то должны будемъ признать, что личность представляетъ собою ту основу, на которой зиждется современная общественная жизнь.

Народы нашего времени не представляютъ собою безсловесныя стада, какъ было въ старое доброе время, а собраніе б. или м. дѣятельныхъ личностей, связанныхъ во имя общихъ интересовъ, отчасти общимъ племеннымъ родствомъ и нѣкоторымъ сходствомъ основныхъ психическихъ чертъ. Это есть какъ бы собирательная личность съ ея особыми племенными и психологическими чертами, объединенная общими интересами и стремленіями какъ политическими, такъ и правовыми. Поэтому вполне естественно, что прогрессъ народовъ, ихъ цивилизація и культура зависятъ отъ степени развитія личностей, его составляющихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человечество вышло изъ періода рабства, жизнь народовъ, распадающихся на отдѣльныя сообщества, обеспечивается дѣятельнымъ участіемъ каждаго члена сообщества въ созданіи общаго блага, въ преслѣдованіи общей цѣли. Здѣсь-то и выдвигается значеніе личности, какъ самодѣтельной психической особи, которая въ общемъ ходѣ историческихъ событій выступаетъ съ тѣмъ большей силой, чѣмъ дальше народъ стоитъ отъ рабства, являющагося отрицаніемъ всякихъ правъ личности.

Какую бы отрасль труда мы ни взяли, развитая дѣятельная личность выдвигаетъ въ ней новые планы и новые горизонты, тогда какъ пассивныя лица, выросшія въ условіяхъ рабства, способны лишь къ повторенію и подражанію.

Да и самое существованіе современныхъ государствъ зависитъ, какъ извѣстно, не столько отъ внѣшней силы, олицетворяемой органами власти, сколько отъ нравственного сплоченія личностей, ихъ составляющихъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, читаемъ мы въ статьѣ С. Глинки „Попранныя истины“ (Н. В.), одни лишь нравственныя начала прочно сплавиваютъ людей. Если сила и могла поддерживать тотъ или иной государственной строй, то развѣ временно и то государство, которое пренебрегало нравственными силами и предполагало возможнымъ опираться только на оружіе, носило въ себѣ зародышъ разложенія... Никакія многочисленныя арміи не могутъ спасти того государства, въ которомъ распатаны нравственныя устои, ибо и сила самихъ армій зиждется исключительно на нравственныхъ началахъ“.

Значеніе личности въ исторической жизни народовъ ярче всего выступаетъ въ тѣ періоды, когда силою вещей ихъ социальная дѣятельность идетъ повышеннымъ темпомъ. Какъ всякая другая сила, такъ и сила личности обнаруживается рѣзче всего при сопротивленіи, т. е. въ соперничествѣ и въ борьбѣ, а потому значеніе личности выступаетъ особенно ярко какъ въ мирномъ соперничествѣ народовъ на почвѣ труда и культуры, такъ и въ тѣ періоды, когда для народа является необходимость борьбы со стихійными бѣдствіями или съ внѣшними врагами.

Такъ какъ личность вноситъ въ общую сокровищницу человѣческой культуры плоды своего самобытнаго развитія, то вполне понятно, что сообщества и народы, имѣющіе въ своей средѣ болѣе развитыя и болѣе дѣятельныя личности при прочихъ равныхъ условіяхъ, будутъ обогащать человѣческую культуру большимъ количествомъ предметовъ своего труда и лучшимъ ихъ качествомъ.

Кажется, нѣтъ надобности доказывать, что мирное соперничество народовъ и его успѣхи покоятся на развитіи

личностей, входящихъ въ ихъ составъ. Народъ слабый развитіемъ составляющихъ его отдѣльныхъ личностей, какъ общественныхъ единицъ, не можетъ защитить себя отъ эксплуатаціи народовъ съ высшимъ развитіемъ образующихъ его личностей. А между тѣмъ можно ли сомнѣваться въ томъ, что этой истиной до сихъ поръ еще пренебрегаемъ мы, русскіе, въ большей мѣрѣ, нежели какіе-либо другіе народы Европы?

Было время, когда полагали, да и теперь еще многіе полагаютъ, что мы удерживаемся въ семьѣ европейскихъ народовъ нашей военной силой. Какое жалкое заблужденіе? Право сильнаго безъ сомнѣнія обезпечиваетъ извѣстное мѣсто на материкѣ Европы, но оно не даетъ еще права на уваженіе со стороны другихъ народовъ, на признаніе его въ своей семьѣ и во всякомъ случаѣ ничуть не обезпечиваетъ отъ ихъ эксплуатаціи.

Мирная борьба народовъ—это есть испытаніе общественной самодѣтельности личностей, ихъ составляющихъ. И можно быть увѣреннымъ, что въ этой борьбѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, побѣждаетъ всегда тотъ народъ, который силенъ развитіемъ входящихъ въ его составъ личностей. Народъ же, у котораго совершенно неразвита общественная жизнь, у котораго личность подавлена, обреченъ на разложеніе и утрату своей самостоятельности.

Не менѣе ярко выступаетъ значеніе личности въ борьбѣ со стихійными бѣдствіями, какъ голодъ и др., а равно и въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Народъ съ высшей культурой, гдѣ личность достигла большаго совершенства, не знаетъ голода, такъ какъ возможныя его бѣдствія въ зависимости отъ условій природы онъ давно предвидѣлъ и предусмотрѣлъ, а то, что не могло быть предвидѣно, предотвращается общими усиліями дѣятельныхъ личностей, всегда готовыхъ стать въ ряды передовыхъ бойцовъ за общественное дѣло.

Столкновеніе народовъ или войны—это есть социальный кризисъ, въ которомъ значеніе личности должно выясняться наиболѣе выпуклымъ образомъ. Нужно ли искать тому при- мѣровъ? Вѣдь только что окончилась русско-японская война,

въ которой противопоставлены были два народа: съ 130 миллионами жителей съ одной стороны и 50 миллионами съ другой. Одинъ народъ является представителемъ испытанной въ культурѣ бѣлой расы, другой принадлежитъ къ желтой расѣ, о культурѣ которой до сихъ поръ говорили лишь съ различными оговорками. Казалось бы, можетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ результатахъ борьбы? а между тѣмъ болѣе 1½ года велась нами безславная война, въ которой побѣда за побѣдой доставалась врагу.

Что можетъ это значить? Какъ можно объяснить себѣ смыслъ столь тяжелыхъ событій, но отвѣтъ я полагаю у всѣхъ на устахъ: „и битвы народовъ выигрываются тѣми, кто дышетъ свободой, какъ роднымъ воздухомъ“, читаемъ мы въ одной изъ многочисленныхъ газетныхъ статей, посвященныхъ вопросамъ, связаннымъ съ бывшей войной.

Да и могло ли быть иначе, если съ одной стороны „терпѣніе“ — этотъ лозунгъ пассивныхъ личностей, было возведено съ самаго начала въ принципъ борьбы, тогда какъ въ другой странѣ была объявлена борьба за жизнь, за право, за свободу!

Было бы неимоверно тяжело для нашего національнаго самолюбія представить здѣсь картину болѣе свѣтлаго характера, которая создается для личности условиями общественной жизни въ Японіи. И мы отклонимъ отъ себя эту неприятную задачу. Замѣтимъ лишь, что личность въ Японіи не задавлена формализмомъ. Тамъ не торжествуетъ буква надъ смысломъ, тамъ наука не служитъ предметомъ странной ироніи, тамъ различныя вѣдомства не торопятся изгнать ее отовсюду. Напротивъ того знанія и опытность цѣнятся тамъ очень высоко и всякое научное открытіе примѣняется тотчасъ же къ дѣлу, какъ мы видимъ это по многочисленнымъ примѣрамъ изъ бывшей войны.

Съ другой стороны не знаемъ ли мы примѣра, когда духовно возрожденная Франція во времена великой революціи остановила полчища враговъ, ее окружавшихъ? А всѣ войны за освобожденіе, не доказываютъ ли онѣ воочію, какъ повышается духъ народа, его мощь и сила съ освобожденіемъ тѣхъ путей, которыми ранѣе оцѣплялась личность.

Можно ли вообще сомнѣваться въ томъ, что внѣшняя сила народа питается изъ источника той духовной силы, которую образуютъ личности, его составляющія. Если личность опутана безправіемъ, какъ тиной, если такимъ образомъ самый источникъ духовной силы народа засоряется, то можно ли говорить о силѣ народа, о его мощи?

Извѣстно, что современные войны требуютъ отъ участника борьбы нѣкоторой доли самостоятельности, находчивости въ трудныхъ случаяхъ и яснаго пониманія какъ цѣли борьбы, такъ и тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ участвуетъ. Все это возможно только при соответственномъ развитіи личности, при извѣстной степени ея образованія, при сознаніи правъ, за которыя идетъ борьба, и при поддержкѣ въ ней того духа инициативы и самостоятельности, безъ котораго немыслимо вообще осуществленіе какого бы то ни было социальнаго дѣла.

Между тѣмъ что же мы видимъ у насъ? Къ сожалѣнію необходимо признать, что дѣло идетъ здѣсь не объ одномъ только недоразвитіи личности, но и о прямомъ ея подавленіи. Личность задавливается еще при самомъ зачаткѣ своего развитія въ школѣ, дающей ей неподходящую духовную пищу вмѣстѣ съ тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ, уничтожающимъ въ ней всякую самостоятельность; она задавливается въ семьѣ, гдѣ господствуютъ и пользуются покровительствомъ закона патріархальные нравы и обычаи; она систематически задавливается даже тамъ, гдѣ государство непосредственно опирается на ея силу и мощь, т. е. въ войскахъ; она задавливается въ общественной жизни при проявленіи лучшихъ ея стремленій.

Въ статьѣ „Одна изъ причинъ нашихъ поражений“, помещенной въ „Словѣ“ за инициалами Н. Р. П., мы читаемъ: „жизнь солдата сказочно невѣроятна; умъ, природная русская смѣлка систематически убивается; не скажемъ, что это дѣлается намѣренно, а просто, вслѣдствіе дисциплины „не смѣть разсуждать“, и такъ изо дня въ день въ теченіе 4—5 лѣтъ (лучшихъ лѣтъ въ жизни человѣка, прибавимъ отъ себя). Онъ ходитъ на маршировку, дѣлаетъ чисто ружейные приемы, изучаетъ въ первый годъ службы сло-

весность: кто командиръ роты, батальона, полка, долгъ часового на посту и многое, что не относится къ боевой жизни, ни къ жизни вообще, при чемъ живетъ чисто животною жизнью безъ всякихъ интересовъ. Спросите любого солдата что-нибудь изъ общественной жизни, онъ ничего не знаетъ“...

(Правильная законность въ странѣ вездѣ и всюду считается гарантіей личности. Но возможна ли законность при существованіи такъ называемой политической полиціи, когда, какъ было еще недавно, одного подозрѣнія въ разномыслии съ представителями полицейскаго режима по основнымъ вопросамъ нашей государственности достаточно, чтобы дѣло грозило лишеніемъ свободы безъ всякаго суда, однимъ лишь административнымъ распоряженіемъ.

Совмѣстима ли вообще полная сила закона въ странѣ, гдѣ представители политической полиціи являются вершителями судьбы людей, не остающихся равнодушными при видѣ всюду царящаго беззаконія и заявляющихъ о необходимости признанія новыхъ началъ общественнаго правопорядка?

Не переполнены ли наши тюрьмы лицами, которыя повинны развѣ лишь въ томъ, что, желая блага родинѣ, они были провозвѣстниками новыхъ идей и иныхъ порядковъ въ нашей странѣ. Съ новымъ укладомъ нашей общественной жизни, когда то, за что ратовали эти лица и за что они такъ тяжело пострадали, уже получаетъ реальное бытіе, можемъ-ли мы оставаться равнодушными къ ихъ горькой участи и не вправѣ-ли мы искать путей къ тому, чтобы вопиющее зло не торжествовало впредь надъ ними и чтобы вмѣсто смрадной тюрьмы они пользовались широкимъ просторомъ родныхъ полей, гдѣ дышалось бы легко и свободно.

А участвовавшее за послѣднее время примѣненіе смертной казни, этого позорнаго и возмутительнаго произвола сильной власти надъ личностью человѣка, не доказываетъ-ли, что въ отношеніи основныхъ правъ человѣческой личности мы подвинулись за послѣднее время не впередъ, а назадъ.

„Въ смертной казни правосудіе обагрываетъ себя человѣ-

ческой кровью и какъ-бы тонко ни была придумана апологія казни — убійство всегда остается убійствомъ. Для взора чистой совѣсти смертная казнь всегда будетъ являться не въ ореолѣ юридическаго акта, но подъ мрачной маской самаго банальнаго убійства, къ которому кощунственно прикрѣплено знамя правосудія. Для ока совѣсти на плахѣ и на эшафотѣ правосудіе подвергается позору и безславію ¹⁾“.

Какая глубокая иронія сокрыта въ самомъ словѣ „правосудіе“, когда рѣчь идетъ о смертной казни! Имѣетъ ли вообще право человѣкъ отнимать отъ другого то, что не можетъ быть даруемо человѣческой властью? Но, если лучшіе умы времени не находятъ оправданія для примѣненія смертной казни въ дѣлахъ уголовныхъ, то кажется нѣтъ достаточно словъ, чтобы выразить то глубокое возмущеніе и негодованіе, которое подымается въ душѣ человѣка при одной мысли о томъ, что люди, облеченные властью, считаютъ себя вправѣ уничтожать жизнь себѣ подобныхъ только потому, что ихъ чувства, взгляды, поступки и убѣжденія не отвѣчаютъ желаніямъ первыхъ.

Человѣконенавистничество, достигающее столь крайнихъ предѣловъ, является для современнаго общества дѣломъ величайшаго позора, отъ котораго съ негодованіемъ отворачивается человѣкъ не погрязшій въ тинѣ юридической діалектики. Для насъ русскихъ тяжесть этого позора должна быть еще болѣе ошутительна, такъ какъ благодаря смертной казни мы едва не лишились гениальнаго Достоевскаго и извѣстнаго писателя Мельшина.

Не будемъ слѣдить далѣе за мрачной картиной нашей дѣйствительности. Послѣдствія ея общеизвѣстны и мы переживаемъ ихъ нынѣ вмѣстѣ съ позоромъ и горемъ всей Россіи.)

Для насъ, психіатровъ, не лишено значенія то обстоятельство, что, если недоразвитіе личности приводитъ къ ея пассивности, дряблости, недѣятельности и послѣдовательно къ отсталости всего общества, то подавленіе личности въ

¹⁾ И. Сикорскій. Чувства, испытываемыя зрителемъ при видѣ смертной казни. Кіевъ. 1906.

особенности при ея природной или приобретенной неустойчивости, если конечно это подавление не может быть отпарировано соответствующимъ противодѣйствіемъ, приводитъ нерѣдко къ развитію астенической реакціи, заканчивающейся весьма нерѣдко самоуничтоженіемъ въ видѣ той или другой формы самоубійства или же болѣзненнымъ состояніемъ въ видѣ тяжелыхъ формъ неврастеніи и другихъ общихъ неврозовъ и даже психическихъ расстройствъ; въ слабыхъ же натурахъ приводитъ къ развитію лести, приниженности и къ болѣе или менѣе полному обезличенію.

(Самоубійство у душевно-здоровыхъ лицъ, какъ и всѣ другіе акты самообороны человѣческой личности, имѣетъ въ различныхъ случаяхъ неодинаковые мотивы, но все же въ общемъ за малыми исключеніями оно является страшнымъ укоромъ обществу „въ смыслѣ протеста противъ того порядка вещей, который сдѣлалъ это непреодолимое стремленіе къ смерти, этотъ неестественный импульсъ къ самоуничтоженію фатальнымъ“¹⁾).

Полагаю, что нѣтъ надобности доказывать, сколько самоубійствъ, этой острой реакціи въ видѣ послѣдняго акта безуспѣшной борьбы личности съ неблагоприятными условіями, обязано именно рѣзкому подавленію личности, гдѣ бы оно ни проявлялось — въ школѣ, въ семьѣ, или на прищѣ общественной дѣятельности.

Подробный анализъ случаевъ самоубійствъ среди здороваго населенія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что самоубійствомъ кончаютъ большею частью неустойчивыя или такъ называемыя психопатическія личности. Но кто можетъ отрицать, что эти, хотя бы и неустойчивыя личности, при иныхъ условіяхъ не совершили бы на землѣ всего, чему обязывалъ ихъ долгъ предъ человѣчествомъ, если бы на своемъ пути они не встрѣтились съ тѣми подавляющими вліяніями и условіями, при которыхъ самоуничтоженіе является единственной формой реакціи.

Вѣдь мы дошли уже до того, что самоубійство въ на-

¹⁾ Райхеръ. Къ вопросу о самоубійствѣ. Изд. Виленской окружной лѣчебницы. 1905.

шей средней школѣ среди юныхъ подростковъ становится дѣломъ почти обычнымъ, мало кого поражающимъ. Да, что говорить объ отдѣльныхъ самоубійствахъ, хотя бы и уносящихъ ежегодно множество жертвъ, когда подъ общимъ гнетомъ время отъ времени происходятъ у насъ массовыя самоистребленія, приводящія въ ужасъ цивилизованный міръ. Достаточно указать здѣсь на столь еще недавно случавшіяся массовыя самоистребленія нашихъ сектантовъ, напр. въ Архангельской губ., гдѣ, какъ говорятъ, до сихъ поръ можно видѣть мѣста самосожженія людей, предпочитавшихъ лютую смерть отдачѣ себя въ руки властей.

При чтеніи подробностей этихъ самоистребленій леденѣетъ въ жилахъ кровь, а между тѣмъ эти ужасы, являющіеся яркой реакціей на общій гнетъ, случаются у насъ и понынѣ, какъ въ болѣе старыя времена. Еще всѣмъ памятны недавнія Терновскія событія въ Бессарабской губерніи, гдѣ люди закапывали себя живьемъ въ могилы, чтобы отстоять права своей совѣсти.

Болѣе мягкую, но все же печальную форму реакціи мы видимъ въ массовыхъ выселеніяхъ въ другія страны нашихъ сектантовъ, да и однихъ ли сектантовъ. Сюда относятся: выселеніе некрасовцевъ за Дунай, бѣлокриницкихъ переселенцевъ въ Австрію, духоборовъ и менонитовъ въ Сѣверную Америку и т. под.

Эти формы реакціи, конечно, не кровавыя, такъ сказать болѣе разумныя и болѣе спокойныя, но онѣ въ основѣ своей имѣютъ тѣ-же самые мотивы, какъ и самоистребительные акты, а по своимъ послѣдствіямъ для жизни государства онѣ немногимъ менѣе тягостны, нежели предыдущія.

Въ другихъ случаяхъ при долговременномъ дѣйствіи массы подавляющихъ условій какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ реакція личности, какъ мы уже говорили рѣже, выражается въ формѣ ея болѣзни, т. е. неврастеніи и другихъ общихъ неврозовъ и даже психическихъ расстройствъ.

(Попраніе правъ человѣческой личности всегда отражается тягостнымъ образомъ на нервно-психическомъ состояніи человѣка. Но когда это попраніе достигаетъ такой степени,

что личность не гарантирована отъ внезапнаго обыска и ареста по одному лишь подозрѣнію въ политической неблагонадежности, когда человѣкъ изъ-за своихъ убѣжденій можетъ быть направляемъ въ ссылку или ввергаемъ въ тюрьмы съ одиночнымъ заключеніемъ, въ которыхъ калѣчатся его духовныя силы, когда возможны даже тѣлесныя наказанія вопреки Высочайшему манифесту 1904 г. и когда происходятъ на глазахъ всѣхъ массовыя убійства на улицахъ съ ни въ чемъ неповинными жертвами, то нервно-психическое здоровье населенія подвергается тяжкому испытанію, приводящему къ увеличенію числа нервныхъ и душевныхъ заболѣваній въ странѣ ¹⁾).

Нужно ли говорить, какъ много условий, подтачивающихъ душевное здоровье личности, могло бы быть устранено изъ нашего обихода при иныхъ условіяхъ общественной жизни, при иныхъ условіяхъ общегосударственнаго режима и при иныхъ экономическихъ условіяхъ. Вопросу этому нельзя не придавать значенія, такъ какъ правильное развитіе и здоровье личности является основой государственнаго благосостоянія страны.)

Въ виду вышесказаннаго естественно возникаетъ вопросъ, какія же причины пагубно вліяютъ на развитіе личности, приводятъ къ ея упадку и какія причины содѣйствуютъ ея развитію?

Обращаясь къ разрѣшенію перваго вопроса, мы не будемъ здѣсь останавливаться на томъ, въ какой мѣрѣ на развитіи личности отражается окружающая ее природа. Вопросъ этотъ, хотя и не лишенъ значенія, чтобы его обойти молчаніемъ, но и настолько широкъ, что не позволяетъ на немъ остановиться подробнѣе. Здѣсь можно лишь указать, какъ на неподлежащій сомнѣнію фактъ, что умѣренный климатъ для развитія личности является болѣе благоприятнымъ, нежели суровый климатъ сѣвера и жаркій климатъ тропиковъ.

¹⁾ Эта часть рѣчи вошла въ одно изъ постановленій втораго съѣзда отечественныхъ психіатровъ.

Врядъ ли также кто-нибудь станетъ оспаривать на ряду съ климатомъ важное значеніе иныхъ метеорологическихъ, а равно и географическихъ условій. Великія пустыни, мало-пригодныя для человѣческаго житья, и всѣ тѣ мѣстности, гдѣ человѣку приходится затрачивать много силъ и энергіи на борьбу съ окружающей природой, не благоприятствуютъ развитію личности.

Равнымъ образомъ неблагоприятныя почвенныя и метеорологическія условія, характеризующіяся эндемическимъ развитіемъ тѣхъ или другихъ общихъ болѣзней, не могутъ не отражаться пагубно на развитіи личности, подтачивая въ корень физическое здоровье организма.

Не останавливаясь долѣе на этихъ внѣшнихъ мало-подвижныхъ и малоизмѣняемыхъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на развитіе личности, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію иныхъ факторовъ, отражающихся рѣзкимъ образомъ на состояніи и развитіи личности.

Первымъ и основнымъ условіемъ правильнаго развитія личности является природа организма, наслѣдіе его отцовъ или тѣ антропологическія особенности, которыя составляютъ почву для развитія личности.

Врядъ ли кто можетъ сомнѣваться въ значеніи расы въ указанномъ отношеніи. Наилучшимъ примѣромъ можетъ служить тотъ фактъ, что изъ трехъ человѣческихъ расъ, черная, несмотря на свою многочисленность, далеко не достигла того культурнаго развитія, какъ двѣ другія расы.

При всей своей многочисленности представители этой расы никогда не играли выдающейся роли въ исторіи. Этотъ важный фактъ нельзя не сопоставить съ тѣмъ антропологическимъ фактомъ, что вмѣстимость черепа и вѣсъ мозга этой расы меньше, чѣмъ у двухъ другихъ расъ, въ особенности бѣлой.

Другимъ примѣромъ вліянія антропологическихъ особенностей на развитіе личности являются народы древней Эллады, достигшіе удивительной культуры и неменѣе удивительнаго развитія личности и затѣмъ погибшіе, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій.

Когда возникла борьба за освобожденіе грековъ отъ ту-

редкаго ига, многіе представляли себѣ, что дѣло идетъ о возстановленіи того же свободолюбиваго народа, который оставилъ послѣ себя замѣчательные памятники мысли и культуры, хранящіеся въ различныхъ музеяхъ. Эта мысль увлекала многіхъ, она возбудила симпатіи къ грекамъ со стороны лучшихъ умовъ того времени и война за ихъ освобожденіе сдѣлалась сразу популярной въ Европѣ.

Но когда часъ освобожденія наступилъ, что же оказалось?

Древняго грека съ его живымъ умомъ и чувствомъ и съ сильною волей уже нельзя было признать въ грекахъ новѣйшей формации, обладающихъ иными качествами. И это потому, что древніе греки переродились въ другую націю, характеризующуюся другими антропологическими чертами, они переродились, частью вслѣдствіе выселенія и рабства, главнымъ же образомъ вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ другими племенами ¹⁾.

Итакъ, несмотря на то, что остались тѣ же географическія условія, какія были въ Греціи и въ минувшіе вѣка, несмотря на то, что центръ цивилизациі до сихъ поръ остается, какъ и ранѣе, на материкѣ Европы, современные намъ греки, вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ ими новыхъ антропологическихъ особенностей въ періодъ долгаго рабства, повидимому не общаются сдѣлаться великимъ народомъ, какимъ они несомнѣнно были въ древности.

Приведенные примѣры показываютъ, что уже въ антропологическихъ особенностяхъ расы кроются тѣ основы, которыя опредѣляютъ развитіе личности. Вотъ почему должно быть ясно для всѣхъ, въ какой мѣрѣ судьба племени находится въ связи съ принадлежащими ему расовыми отличіями и въ какой мѣрѣ послѣднія отражаются на проявленіи и чертахъ народнаго генія.

Неменьшаго вниманія заслуживаетъ другой факторъ, влияющій на развитіе личности. Это—факторъ біологическій, связанный съ условіями зачатія и развитія человѣческаго организма.

¹⁾ И. А. Сикорскій. Вопросы нервно-психической медицины 1904 г.

Здѣсь мы не можемъ не отмѣтить важнаго значенія въ развитіи личности тѣхъ элементовъ, которые извѣстны подъ названіемъ вырожденія и которые коренятся въ условіяхъ неблагопріятнаго зачатія и развитія плода. Отъ какихъ бы причинъ эти условія ни зависѣли — отъ неблагопріятной психо-или невропатической наслѣдственности, физическихъ недостатковъ, болѣзней матери во время зачатія и беременности, алкоголизма родителей, тяжелыхъ физическихъ и психическихъ моментовъ въ теченіе беременности, послѣдствіемъ ихъ, какъ мы знаемъ, являются дегенеративныя особенности потомства, которыя въ концѣ концовъ сводятся къ разложенію личности и къ ея упадку.

Вполнѣ понятно, что развитіе личности, какъ высшаго проявленія психики, находится въ зависимости отъ физическихъ условій. Это положеніе не можетъ возбуждать и тѣни сомнѣнія, коль скоро мы примемъ во вниманіе тѣсное соотношеніе между физическимъ и психическимъ, между „тѣломъ и душою“, какъ принято выражаться. „Mens sana in corpore sano“, гласитъ древняя философская мудрость и это положеніе остается незыблемымъ и понынѣ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не принять во вниманіе того факта, что только гармоническое развитіе тѣла и духа обезпечиваетъ правильное совершенствованіе личности. Если физическое развитіе отъ природы слабо, если человѣкъ отъ ранняго возраста подвергается физическимъ невгодамъ и цѣлому ряду общихъ инфекціонныхъ болѣзней, особенно съ затяжнымъ теченіемъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ у него развиваются общія болѣзненные пораженія, коренящіеся въ недостаточномъ и неправильномъ питаніи организма, какъ анемія, золотуха, рахитизмъ и проч., то уже полный расцвѣтъ личности будетъ въ той или иной мѣрѣ задержанъ. Если затѣмъ и въ болѣе возмужаломъ возрастѣ продолжаютъ физическія невгоды, то упадокъ личности обнаруживается уже вполнѣ ясно.

Нѣтъ надобности говорить, какъ пагубно на развитіе личности влияют общіе неврозы, въ особенности истерія и эпилепсія, развивающіяся главнымъ образомъ на почвѣ неблагопріятныхъ физическихъ и психическихъ моментовъ.

Нѣкоторые авторы не безъ основанія рассматриваютъ истерію, какъ явленіе, суживающее сферу сознанія (Janet) или какъ выраженіе упадка личности (д-ръ Радинъ). Что же касается эпилепсіи, то вліяніе этого невроза на развитие личности представляется очевиднымъ уже изъ того, что болѣе тяжелыя формы эпилепсіи обязательно сопутствуются такъ называемымъ дегенеративнымъ эпилептическимъ характеромъ и болѣе или менѣе очевиднымъ ослабленіемъ умственныхъ силъ и даже состояніемъ ясно выраженнаго слабоумія, приводящемъ къ постепенному угасанію и перерожденію личности.

Врядъ ли затѣмъ есть надобность говорить о такого рода болѣзненныхъ состояніяхъ, которыя, поражая самый мозгъ патологическимъ процессомъ, тѣмъ самымъ дѣйствуютъ губительно на умственные силы и разрушаютъ личность. Вообще я не вижу надобности подробно распространяться о значеніи физическихъ болѣзней на развитие умственныхъ силъ вообще и на цѣлостность личности въ частности, такъ какъ этотъ фактъ ясенъ до очевидности.

Но нельзя здѣсь не упомянуть о томъ, что на развитие личности оказываютъ существенное вліяніе неблагоприятныя экономическія условія, приводящія послѣдовательно къ физическому ослабленію организма, на каковой почвѣ развивается рядъ истощающихъ физическихъ болѣзней, подрывающихъ въ корнѣ питаніе организма и нарушающихъ правильное развитіе мозга, а слѣдовательно и личности. Да и помимо этихъ болѣзней недостаточное питаніе населенія, подрывающее физическія его силы и приводящее съ развитіемъ физическаго истощенія и малокровія,—развѣ это не условія, содѣйствующія ослабленію питанія мозга, быстрой истощаемости умственныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствующія полному расцвѣту личности?

При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ болью въ сердцѣ, въ сколь тяжелыхъ условіяхъ находится нашъ простой народъ, котораго неудачная экономическая политика страны сдѣлала въ буквальномъ смыслѣ слова полуголоднымъ нищимъ.

Какъ извѣстно, новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что нашъ крестьянинъ-землепашецъ имѣетъ много меньше

хлѣба на душу, нежели простолюдинъ западной Европы, причемъ и пища его, рассчитанная по калоріямъ, оказывается много ниже дѣйствительной потребности здороваго чловѣка. Да и можетъ ли быть иначе, если мы до сихъ поръ остаемся съ первобытной трехпольной системой обработки земли, производимой притомъ же допотопными орудіями?

Говорятъ, что положеніе нашего сельскаго хозяйства ничѣмъ не лучше того, какъ оно велось въ средней Европѣ во времена Карла Великаго или въ дореформенной Франціи. А между тѣмъ, принимая во вниманіе почвенныя условія, какія перспективы открываются при лучшей организаціи дѣла и при лучшей постановкѣ спеціальнаго сельскохозяйственнаго образованія, которое еще такъ недавно систематически изгонялось даже изъ вѣдѣнія земствъ.

О поразительной отсталости нашей въ различныхъ отдѣлахъ индустріи и говорить нечего. Этимъ какъ бы довершается то безотрадное положеніе, въ которомъ очутилась огромная масса населенія страны, истощающая свои послѣднія силы въ борьбѣ за существованіе и право жизни. Почти постоянное недоѣданіе нашего крестьянства въ центральныхъ губерніяхъ и даже въ черноземной полосѣ Россіи, какъ извѣстно, представляетъ собою уже вполне избитый фактъ въ нашей литературѣ.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, какъ много ослабляющихъ условій вносить въ организмъ это хроническое голоданіе, которое своимъ послѣдствіемъ должно имѣть какъ общее увеличеніе смертности, такъ и пониженіе личной самодѣятельности. Въ хиломъ тѣлѣ можетъ ли быть сильный и бодрый духъ? Нужно ли вообще доказывать, что вмѣстѣ съ ослабленіемъ питанія организма слабѣетъ и его нервно-психическая энергія, результатомъ чего развивается общая приниженность личности, ея пассивность, болѣе или менѣе значительное ослабленіе умственной работоспособности, психическая вялость, апатія и недостатокъ воли.

Само собою разумѣется, что хроническое недоѣданіе должно еще въ большей мѣрѣ сказываться на дѣтскомъ растущемъ организмѣ, когда впервые складывается личность. Этимъ недоѣданіемъ на ряду съ нашей общей некультурностью, не-

знакомствомъ съ гигиеной и антисанитарными условіями объясняется и физическая хилость дѣтей у насъ въ Россіи, приводящая къ страшной ихъ смертности. вмѣстѣ съ этимъ тѣ же самыя условія вполне понятнымъ образомъ приводятъ и къ психической немощи развивающагося организма, вносящей вмѣстѣ съ вліяніемъ вѣкового рабства особенныя черты характера и въ нашъ національный обликъ, обозначающійся беспечностью, равнодушіемъ къ дѣламъ личнымъ и общественнымъ, невыдержанностью характера, недостаткомъ инициативы, пассивностью, нѣкоторой приниженностью, нерѣшительностью и т. п. чертами.

Крайне негигиеническія условія труда на многихъ фабрикахъ, переутомленіе рабочихъ и нашей домашней прислуги, лишенной часто всякаго отдыха, также не можетъ не отражаться пагубно на развитіи личности, особенно, если это переутомленіе начинается съ ранняго юношескаго возраста.

Другимъ важнымъ факторомъ, вліяющимъ на развитіе личности, являются всѣ хроническія отравленія, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя поражаютъ въ первую голову мозгъ и которыя извѣстны подъ названіемъ интеллектуальныхъ ядовъ.

Алкоголизмъ, достигшій такого гигантскаго развитія въ современномъ обществѣ, есть безъ сомнѣнія то зло, которое несетъ въ себѣ зародышъ упадка личности.

Алкоголикъ это человѣкъ съ притупленнымъ воспріятіемъ, съ пониженной нравственностью и съ ослабленной волей, т. е. отличается именно тѣми особенностями, которыя характеризуютъ упадокъ личности.

Нѣтъ надобности доказывать, что алкоголь, парализуя сферу чувства, интеллекта и воли, подрываетъ въ корнѣ основныя устои личности и является въ то же время одной изъ важнѣйшихъ причинъ, приводящихъ къ развитію душевныхъ болѣзней, вырожденія и преступности. Въ этомъ отношеніи имѣется уже столько трудовъ, что нѣтъ никакой необходимости дѣлать на нихъ ссылки.

У насъ въ Россіи также немало поработали надъ вліяніемъ того зла, которое вноситъ алкоголь въ развитіе и здоровье личности. Не говоря о рядѣ отдѣльныхъ трудовъ, какъ

напр. Кроля, Григорьева и много др., нельзя не указать здѣсь на богатые содержаніемъ труды алкогольной комиссіи при Общ. охран. народн. здоровья въ Петербургѣ, которые освѣщаютъ весь вредъ, причиняемый пагубнымъ распространеніемъ алкоголя на развитіе личности съ такой полнотой, какая можетъ быть только желательна.

Менѣе значительное по распространенію, но не менѣе пагубное вліяніе на личность представляютъ собою хроническія отравленія другими интеллектуальными ядами, какъ напр. опіемъ, морфіемъ, эфиромъ, хлораль-гидратомъ и т. под.

Помимо всѣхъ вышеуказанныхъ условій не маловажную роль въ развитіи личности играютъ и иные моменты. Здѣсь прежде всего должно имѣть въ виду воспитаніе и образованіе.

На воспитаніе вообще повидимому мало обращаютъ вниманія въ смыслѣ развитія личности, а между тѣмъ можно ли сомнѣваться въ томъ, что съ воспитаніемъ впервые устанавливаются основныя особенности будущей личности? Между прочимъ здѣсь въ воспитаніи, играющемъ столь видную роль въ дошкольномъ возрастѣ, закладываются основы большей или меньшей самодѣтельности будущей личности, что имѣетъ существенное значеніе для ея дальнѣйшей судьбы.

Что касается образованія, то и въ этомъ отношеніи повидимому болѣе заботятся о загроможденіи головы знаніями, подчасъ совершенно ненужными, при болѣе или менѣе пассивномъ отношеніи къ этимъ знаніямъ, нежели о развитіи критики и самостоятельнаго мышленія, которыя составляютъ истинный залогъ самодѣтельности будущей личности.

Вотъ что говоритъ между прочимъ профессоръ Rossbach въ Вюрцбургѣ о школьномъ вопросѣ: „Наши гимназисты сильно напрягаютъ зрѣніе, а на развитіе тѣла не обращаютъ никакого вниманія. Подъ предлогомъ посвятить ученика въ образъ мыслей и поступки древнихъ, они заставляютъ изучать сухую грамматику и являются односторонними филологическими заведеніями. Любознательныхъ и способныхъ по природѣ къ труду дѣтей запираютъ въ зловонныя и пыльныя помѣщенія. Имъ задаютъ работы на домъ, отнимающія все такъ называемое свободное время. Зимой

ихъ держать до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ, а въ темнотѣ настрою запрещаютъ гулять. Если, возвращаясь съ занятій, они бѣгаютъ и борются, удовлетворяя такимъ образомъ безсознательно требованіямъ природы, то ихъ строго наказываютъ. Уроки гимнастики должны служить какъ бы противѣсомъ этой нелѣпой системѣ. Въ Англіи дѣтямъ послѣ умственныхъ трудовъ даютъ играть на свободѣ въ зелени. Сердце надрывается при сравненіи нашихъ жалкихъ дѣтей съ этими счастливыми“.

Но, если нѣмцы такъ отзываются о своихъ школахъ, которыя ими давно уже реформированы, то что же мы можемъ сказать про наши школы, представляющія собою жалкую и бессодержательную пародію описанныхъ выше нѣмецкихъ школъ.

О неудовлетворительной постановкѣ нашей низшей школы —этой основы народнаго образованія—здѣсь нѣтъ надобности распространяться. Безправіе народныхъ учителей и учительницъ кажется превзошло всѣ возможныя границы. Между дѣмъ культурно-политическое значеніе низшей школы должно быть громадно, особенно благодаря ея всеобщности, благодаря тому, что чрезъ нее должны проходить, если не всѣ, то большая часть будущихъ гражданъ.

А вотъ что мы читаемъ въ современной печати¹⁾ по поводу нашей низшей школы: „Быть можетъ нигдѣ недостатки школьнаго строя не шли такъ параллельно съ недостатками режима вообще, нигдѣ отрицательныя стороны режима не обозначались такъ ярко, какъ въ народной школѣ. Школъ недостаточно, онѣ обставлены неудовлетворительно, вслѣдствіе общаго обѣднѣнія страны, программы сокращены, не заключаютъ много существенно-необходимаго и наоборотъ отягчены тѣмъ, что не имѣютъ прямого отношенія къ умственному развитію учащихся. Съ другой стороны положеніе учащаго персонала самое безотрадное: вопіющая недостаточность вознагражденія за трудъ, совершенно излишняя регламентація, самый мелочной и придирчивый надзоръ, наконецъ, полное безправіе по отношенію къ той „тѣмѣ власти“ въ

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 6 іюля 1905 года.

нашей деревнѣ, которая создала въ ней поистинѣ ужасающую „власть тьмы“.

Наша средняя школа, особенно гимназіи съ ихъ ложнымъ классицизмомъ,—это специальное созданіе охранительной политики покойнаго графа Д. Толстого, развѣ это не примѣръ того, какъ путемъ загроможденія головы безцѣльными знаніями мертвыхъ языковъ, педагогическая система, преслѣдующая свои особыя цѣли, стремится подавить всякій проблескъ инициативы и самостоятельности въ ученикахъ и стремится создать вмѣсто самодѣятельныхъ, хорошо подготовленныхъ къ жизни личностей покорныхъ приниженныхъ слугъ общаго режима, лишенныхъ всякой духовной самодѣятельности. „Среднія школы, читаемъ мы въ известной запискѣ ученыхъ „Нужды Просвѣщенія“, ни числомъ, ни постановкой учебнаго дѣла не удовлетворяютъ образовательнымъ потребностямъ населенія. Своимъ строемъ онѣ подавляютъ личность какъ ученика, такъ и учителя и убиваютъ такія качества человѣческой души, развитіе которыхъ составляло бы ихъ прямое назначеніе—любовь къ знанію и умѣнье самостоятельно мыслить“.

Врядъ ли эта оцѣнка не представляется еще очень блѣдной по сравненію съ печальной дѣйствительностью. По крайней мѣрѣ въ ней вовсе не упоминается о той системѣ укоренившейся лжи и обмана, во взаимныхъ отношеніяхъ учениковъ и учителей, которая не можетъ не дѣйствовать развращающимъ образомъ на молодые умы.

Равнымъ образомъ въ упомянутой оцѣнкѣ не упомянуто ни однимъ словомъ и о томъ, какъ много наши среднія школы поставляютъ тѣлесно убогихъ и нравственно неустойчивыхъ и притомъ съ громоздкимъ малопригоднымъ къ жизни багажемъ знаній, который для многихъ является совершенно непосильной ношей, задавливающей подъ своею тяжестью самую личность. Известно, какъ много эта школа подъ названіемъ неудачниковъ выбрасываетъ въ наше общество недоразвитыхъ лицъ, неприспособленныхъ къ современнымъ условіямъ общественной жизни; эти послѣднія въ большинствѣ случаевъ постепенно гибнутъ затѣмъ въ жизненной борьбѣ, являясь большею частью тяжелымъ бременемъ для семьи и общества.

А кризисъ нашей высшей школы, развѣ это тоже не примѣръ того, какъ путемъ изгнанія академической автономіи извѣстная педагогическая система полагала достичь внѣшняго порядка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и кончила тѣмъ, что привела къ общему разстройству въ странѣ высшего образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвала довѣріе въ обществѣ къ точному знанію и наукѣ?

Печальныя условія, въ которыхъ находится наша высшая школа, между прочимъ вызвали правильную оцѣнку ея положенія въ извѣстной запискѣ ученыхъ: „По самому характеру своего призванія высшая школа должна готовить дѣятелей, сознательно и правдиво относящихся къ окружающей дѣйствительности, между тѣмъ необходимая для этой отвѣтственной роли свобода изслѣдованія и преподаванія настолько отсутствуетъ, что даже чисто ученая и преподавательская дѣятельность не гарантированы отъ административныхъ воздѣйствій. Цѣлымъ рядомъ распоряженій и мѣропріятій преподаватели высшихъ школъ низводятся на степень чиновниковъ, долженствующихъ слѣпо исполнять приказанія начальства. При такихъ условіяхъ неизбѣжно пониженіе научнаго и нравственнаго уровня профессорской коллегіи, неизбѣжна и та потеря уваженія и довѣрія къ учителямъ, которая является роковой для современной жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній“.

Но врядъ ли не хуже всего сказаннаго по отношенію къ нашимъ школамъ, это—еще недавно столь распространенная тенденція, уже принесшая столько зла въ Россіи,—тенденція, сводящаяся къ отрицанію всякаго образованія. Полагали, что просвѣщеніе массъ можетъ быть излишнимъ и даже вреднымъ съ общегосударственной точки зрѣнія. Вслѣдствіе такой умопомрачительной политики, огромныя массы люда остались и остаются до сего времени безграмотными, благодаря чему человѣческая рѣчь, этотъ истинный даръ Божій, ограничивается для нихъ узкими рамками личныхъ объясненій при взаимныхъ встрѣчахъ.

Чтобы дать реальное представленіе о нашей поразительной отсталости въ дѣлѣ образованія, достаточно сказать, что напр. въ такой странѣ, какъ Японія, имѣется въ

общей массѣ населенія всего лишь 10% неграмотныхъ, тогда какъ въ Россіи ихъ насчитывается до 73%. Всѣмъ извѣстно, какъ много безграмотныхъ оказалось въ числѣ плѣнныхъ русскихъ въ нашей бывшей войнѣ съ Японіей и можно-ли было намъ, русскимъ, безъ краски стыда въ лицѣ читать, что наши плѣнные въ Японіи впервые начали изучать грамоту подъ руководствомъ желтолицыхъ учителей.

Не вспоминается ли здѣсь всѣмъ набившая оскомину фраза о школьномъ учителѣ, одержавшемъ побѣду? А между тѣмъ, какое жестокое наказаніе мы понесли, пренебрегая этой избитой истиной и оставаясь вполнѣ глухими въ этомъ вопросѣ къ голосу здраваго смысла.

Безграмотныя массы естественнымъ образомъ лишаются того могучаго орудія, съ помощью котораго накопленныя вѣками умственныя богатства народовъ становятся достояніемъ потомства и благодаря которому личность въ каждомъ новомъ поколѣніи въ общемъ преуспѣваетъ надъ личностями стараго поколѣнія. Словомъ, дѣло идетъ здѣсь о лишеніи человѣка того прогресса знаній, который служитъ важнѣйшимъ условіемъ развитія личности и который дѣлаетъ ея образъ подобіемъ Божества.

Можно ли вообще допустить, чтобы въ то время, какъ въ верхнихъ слояхъ общества былъ яркій солнечный свѣтъ и привѣтливая природа, въ низшихъ его слояхъ стоялъ густой мракъ и царствовалъ непробудный сонъ, при которомъ нормальное развитіе личности является дѣломъ невозможнымъ?

Безграмотность—это есть умственная слѣпота и потому естественно, что личность темнаго народа мало возвышается надъ проявленіемъ животной жизни. Загляните въ наши захолустья и вы поразитесь, до какой степени могутъ быть сужены потребности человѣка, до какой неприхотливости въ своемъ обиходѣ доходитъ нашъ крестьянинъ, носящій всѣ задатки богатаго умственнаго развитія. Вы убѣдитесь въ то же время, до какой степени притуплены его нервы долгимъ подневольнымъ существованіемъ, какъ ограниченъ его кругозоръ и какъ мало въ немъ самодѣтельности.

Можно ли послѣ этого удивляться той поразительной легковѣрности, которая свойственна темнымъ массамъ на-

рода и благодаря которой легко прививаются въ его средѣ самые уродливые взгляды и ученія религіознаго и соціалнаго характера. Развиваясь, благодаря суженію умственнаго кругозора и извѣстному легковѣрью, свойственному всякой недоразвитой личности, эти ученія распространяются иногда даже въ формѣ своего рода психическихъ эпидемій, приводя къ развитію страннѣхъ и грубѣхъ по своему характеру понятій и къ менѣе грубымъ и опаснымъ антисоціальнымъ дѣйствіямъ въ виду аграрныхъ безпорядковъ и т. п.

Далѣе, важнымъ факторомъ, приводящимъ къ недостаточному развитію личности, является отсутствіе общественной дѣятельности. Гдѣ нѣтъ общественной дѣятельности, тамъ нѣтъ и полного развитія личности. Безъ общественной дѣятельности личность останавливается на извѣстной ступени своего развитія, представляясь болѣе или менѣе равнодушною къ общественнымъ потребностямъ; она является пассивнымъ членомъ общества, лишеннымъ той самодѣятельности, которая служитъ залогомъ нормальнаго развитія общественной жизни и прочнаго развитія государственности.

Народы, у которыхъ общественная дѣятельность отсутствуетъ или слабо развита, готовятъ въ своей средѣ по сравненію съ другими въ общемъ менѣе развитыя и болѣе пассивныя личности, что въ концѣ концовъ отражается на всѣхъ отрасляхъ культуры.

Къ этому надо добавить, что естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія правильно организованной общественной дѣятельности въ формѣ самоуправления является праздность и бездѣятельность, которая находитъ въ этомъ случаѣ особенно благопріятныя условія преимущественно въ болѣе обеспеченныхъ классахъ общества. Между тѣмъ праздность, чѣмъ бы она ни обуславливалась, приводитъ естественнымъ образомъ къ пониженію умственной работоспособности, къ невознаградивимой уtratѣ умственнаго матеріала за время бездѣятельности, къ недостаточному усовершенствованію нервно-психическихъ механизмовъ, что доказывается между прочимъ также и психометрическими изслѣдованіями, и

вообще къ умственному и тѣлесному обезсиленію, а послѣдовательно—къ нравственному и физическому вырожденію, особенно если къ праздности присоединяются ея естественные спутники алкоголизмъ и другія излишества.

Прозабаніе народовъ востока служитъ лучшимъ примѣромъ того, какъ отсутствіе общественнаго самоуправления и деспотизмъ правителей губитъ и самую личность, какъ дѣятельную общественную единицу.

Если мы теперь обратимся къ вопросу о томъ, что обеспечиваетъ нормальное развитіе личности и что гарантируетъ ее отъ пассивности, упадка и болѣзни, то мы прежде всего должны имѣть въ виду устраненіе тѣхъ физическихъ невзгодъ, которыя ослабляютъ питаніе и дѣятельность организма. Въ этомъ отношеніи особенно выдвигается значеніе общественной санитаріи. Въ самомъ дѣлѣ оздоровленіе мѣстностей устранило бы цѣлый рядъ тяжелыхъ недуговъ, подрывающихъ въ корнѣ физическое здоровье населенія и нормальное развитіе личности.

Равнымъ образомъ и профилактика болѣзней должна получить въ нашихъ глазахъ не менѣе важное значеніе. Предупрежденіе болѣзней—развѣ это не гарантируетъ организмъ отъ его ослабленія и немощи?

Соотвѣтствующія санитарныя мѣропріятія, устраняющія антигигіеническія условія народнаго труда, а равно и законоположенія, ограждающія возможность крайняго физическаго и умственнаго переутомленія, а также мѣропріятія, клонящіяся къ возможному уменьшенію развитія повальныхъ и другихъ болѣзней—вотъ тѣ условія, которыя являются прежде всего необходимыми, какъ мѣры, предупреждающія развитіе болѣзней личности.

Борьба съ біологическими факторами вырожденія очевидно также должна способствовать болѣе правильному и болѣе здоровому развитію личности. Эта борьба можетъ вестись въ двухъ направленіяхъ: въ видѣ установленія законовъ, воспреещающихъ вступленіе въ бракъ не съ одними только душевно-больными и эпилептиками, но и съ тяже-

лыми истериками, невропатами и хроническими алкоголиками. Бракъ во всякомъ случаѣ долженъ быть регламентированъ согласно взглядамъ науки на возможное развитие и состояніе будущаго потомства.

Для здороваго развитія личности необходимо также устраненіе губительнаго распространенія спиртныхъ и иныхъ опьяняющихъ напитковъ.

Мѣры борьбы съ пьянствомъ, какъ извѣстно, широко намѣчались и намѣчаются въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій, посвященныхъ дѣйствию алкоголя на организмъ и искорененію пьянства въ народѣ. Между тѣми мѣропріятіями, которыя здѣсь имѣются въ виду, мы отмѣтимъ примѣненіе Готенбургской системы, устраненіе сивушнаго масла изъ спиртныхъ напитковъ, обращающихся въ народѣ, увеличеніе пошлины и налога на крѣпкія вина, пониженіе пошлины и налога на напитки, содержащіе малое количество алкоголя, распространеніе въ народѣ чайныхъ вмѣсто трактировъ и водочныхъ лавокъ, строгій контроль надъ пьяницами, устройство особыхъ алкогольныхъ здравницъ, лѣчебницъ и амбулаторій, образованіе обществъ трезвости, нравственное перевоспитаніе народа и проч., и проч.

Нѣтъ надобности доказывать, что всѣ эти мѣры рациональны и хороши, но ихъ значеніе совершенно парализуется, если государство смотритъ на потребленіе спиртныхъ напитковъ, какъ на важнѣйшій источникъ дохода. Вотъ почему борьба съ пьянствомъ въ народѣ будетъ безсильной до тѣхъ поръ, пока нашъ государственный бюджетъ будетъ искать свою опору въ тѣхъ сотняхъ милліоновъ, которыя извлекаются изъ народнаго обращенія въ счетъ потребленія имъ спиртныхъ напитковъ.

Какъ извѣстно, въ этомъ смыслѣ уже было сдѣлано постановленіе однимъ изъ нашихъ Пироговскихъ съѣздовъ, но результатовъ этого постановленія до сихъ поръ мы къ сожалѣнію не видимъ. Вообще должно имѣть въ виду, что устройствомъ убѣжищъ, амбулаторій и лѣчебницъ для алкоголиковъ ничуть не разрѣшается основной вопросъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Лишь отказъ правительства отъ пользованія виномъ въ фискальныхъ цѣляхъ, а равно и поднятіе

благосостоянія народныхъ массъ путемъ широкихъ освободительныхъ реформъ являются мѣрами, обещающими наибольшій успѣхъ съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ.

Помимо вышеупомянутыхъ мѣръ должно заботиться также всѣми возможными способами объ улучшеніи экономическаго положенія населенія. Здѣсь не мѣсто входить въ разъясненіе тѣхъ мѣропріятій, которыя должны быть выдвинуты для благопріятнаго измѣненія экономическихъ условій, особенно въ средѣ сильно бѣдствующаго кореннаго населенія страны. Это дѣло сложной и правильно поставленной внутренней политики, осуществленіе которой возможно лишь при свѣтѣ гласности и критики со стороны самого общества.

При этомъ естественно возникаютъ вопросы о надѣлахъ и націонализаціи земли, о правильной организаціи переселеній, о широкой организаціи общественныхъ работъ, объ облегченіи пріобрѣтенія земли крестьянами, о широко и правильно поставленной организаціи кредита, о лучшей культурѣ земельныхъ угодій и о поднятіи всѣми зависящими мѣрами народнаго хозяйства, этого истиннаго показателя экономическаго положенія страны, объ улучшеніи путей сообщенія, объ облегченіи торговыхъ сношеній и проч., и проч. Отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ собственно и зависитъ экономическое благосостояніе народныхъ массъ.

На ряду съ этимъ вопіетъ о себѣ улучшеніе положенія и экономическаго благосостоянія фабричнаго люда. Здѣсь нужно имѣть въ виду и рациональную гигиеническую обстановку труда, и строгое и правильное регулированіе числа рабочихъ часовъ сообразно возрасту и полу, и урегулированіе денежныхъ отношеній между рабочими и работодателями и наконецъ правильно организованная условія самаго быта рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо важнымъ принципомъ въ этомъ вопросѣ мы признаемъ участіе самого рабочаго люда въ доходности фабрикъ и заводовъ, а также широкое развитіе въ странѣ труда на артельныхъ началахъ. Мы убѣждены, что это участіе рабочаго люда въ доходности предприятий и артельное производство сыграло бы свою роль и въ вопросѣ о стачкахъ, получившемъ столь важное значеніе

въ жизни современныхъ государствъ и въ частности у насъ въ Россіи.

При этомъ нельзя упускать изъ виду, что наибольшимъ экономическимъ факторомъ вездѣ и всюду является самостоятельность населенія, предполагающая правоспособную активную личность, живущую въ условіяхъ прочнаго правопорядка.

Неменьшаго вниманія въ смыслѣ развитія личности заслуживаетъ и воспитаніе и обученіе.

Какъ для правильнаго развитія тѣла необходимо правильное физическое питаніе, такъ для умственнаго развитія, приводящаго къ развитію личности, необходимо правильное доставленіе пищи духовной. Ясно, что для цѣльнаго развитія личности правильное воспитаніе и обученіе составляютъ существенную сторону дѣла.

Но вопросы воспитанія и обученія чрезвычайно деликатны и требуютъ большой осмотрительности въ своемъ примѣненіи. Прежде всего здѣсь нужно имѣть въ виду при соблюденіи физической и умственной гигіены, постепенное пріученіе къ систематическому труду, развитіе самостоятельнаго мышленія съ широкимъ міросозерцаніемъ и критическимъ взглядомъ и стойкость характера. „Рациональнымъ воспитаніемъ, говоритъ Крафт-Ебингъ, должно развить въ ребенкѣ тотъ бодрый духъ, который столь необходимъ въ борьбѣ съ житейскими невзгодами. Эта бодрость духа всего лучше пріобрѣтается высшимъ философскимъ пониманіемъ человѣка въ мірозданіи,—пониманіемъ, которое, возвышаясь надъ всѣмъ преходящимъ, направляетъ нашъ взоръ на все возвышенное и непреходящее и среди житейскихъ тревоженій находитъ якорь спасенія въ этикѣ и религіи“. (См. Нашъ нервный вѣкъ, стр. 35).

Особенно слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что основы будущей личности коренятся еще въ дошкольномъ возрастѣ и слѣдовательно правильное и рациональное воспитаніе должно начинаться съ первыхъ дней жизни человѣка. Существуютъ неоспоримые факты, изъ которыхъ выясняется съ несомнѣнностью, что уклоненія характера начинаются еще въ раннемъ возрастѣ, благодаря тѣмъ ил

инымъ условіямъ, которыя своевременно могли быть легко устранены.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ также и правильное направленіе умственнаго развитія. Такъ какъ невѣжество и недостатокъ образованія есть главное условіе недоразвитія личности, то очевидно, что эта сторона въ вопросѣ о развитіи личности должна быть выдвинута на первый планъ. И мы знаемъ дѣйствительно, что культурныя страны соперничаютъ между собою въ правильной постановкѣ и развитіи школьнаго дѣла.

Къ сожалѣнію совершенно иное отношеніе къ образованію мы видимъ у насъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса, какъ и въ какомъ направленіи должны быть преобразованы нами школы,—тѣмъ болѣе, что по этому вопросу давнымъ давно уже разработано все, что существенно необходимо для правильной постановки дѣла, но мы не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу того, что осуществленіе этой важной и всѣми ожидаемой реформы все еще заставляетъ себя ждать.

Какъ извѣстно, народные учителя въ сознаніи исторической отвѣтственности за положеніе низшей школы еще въ 1903 г. на бывшемъ московскомъ съѣздѣ изложили съ полной ясностью и опредѣленностью все, что необходимо для подъема низшей школы до желательнаго ея уровня. Равнымъ образомъ и по отношенію къ средней и высшей школь еще нѣсколько лѣтъ назадъ былъ собранъ огромный матеріалъ, необходимый для осуществленія реформы. Наконецъ настойчивая необходимость реформы высшей школы была намѣчена между прочимъ въ извѣстной запискѣ ученыхъ клеймящей всю систему нашего образованія. А между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что „возъ и нынѣ тамъ“, хотя для нынѣшней средней школы минула уже 35 лѣтняя давность, для современной же намъ высшей школы мы имѣемъ уже въ началѣ 3-й десятокъ лѣтъ, сопровождавшійся почти ежегодными беспорядками и протестами нашей молодежи.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что послѣднимъ указомъ отъ 27 августа сдѣланъ важный, давно жданный и многообѣщающій шагъ въ дѣлѣ введенія автономіи

въ наши университеты и нѣкоторыя изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Не входя въ подробности необходимыхъ реформъ нашего низшаго и средняго образованія, здѣсь мы можемъ только намѣтить самыя общія и основныя условія, на которыя должно опираться рациональное воспитаніе и обученіе: 1) оно должно быть всеобщимъ и бесплатнымъ; 2) оно должно сообразоваться какъ съ возрастомъ, такъ и физическимъ состояніемъ и съ развитіемъ организма; 3) оно должно имѣть въ виду особенности психическаго состоянія и въ этомъ отношеніи должно быть строго индивидуализировано; 4) мы полагаемъ далѣе, что въ вопросахъ воспитанія и образованія школа должна заботиться не столько о шаблонномъ заучиваніи готовыхъ формъ, заимствованныхъ большей частью изъ классиковъ, сколько о развитіи самодѣятельной личности съ критическимъ умомъ и самостоятельнымъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности. Имѣя стѣ съ этимъ 5) школа должна заботиться объ устраненіи того поработченія духа, которое такъ легко прививается къ человѣку съ молокомъ матери. Воспитаніе и общее образованіе должно преслѣдовать задачи общественности и должно имѣть своею прямою цѣлью выработать личность, какъ самостоятельную социальную единицу. Въ этихъ видахъ всѣ низшія и профессиональныя среднія школы должны быть переданы въ веденіе органовъ самоуправленія, которыя лучше могутъ опредѣлять, что соответствуетъ задачамъ общественности и что имъ не соответствуетъ.

Что касается высшихъ школъ, имѣющихъ своею цѣль исключительно научное или научно-практическое образованіе, то здѣсь первымъ и основнымъ условіемъ должно быть устраненіе служебнаго положенія науки. Наука должна открывать и говорить только истины, а никакая истина не можетъ быть настоящей истиной, если она искусственно подтягивается подъ какую-либо систему, подъ какой-либо даннй шаблонъ или если она заранѣе имѣетъ опредѣленное предназначеніе.

Въ силу этого наука, какъ и религія, должна служить исключительно духовнымъ нуждамъ народа, а не должн

являться служебнымъ органомъ правительствъ. Вотъ почему основнымъ девизомъ высшаго образованія во всякомъ культурномъ государствѣ признается положеніе, что наука и всѣ ея учрежденія должны быть свободны.

Обязанностью правительствъ однако является поддерживать и расширять научныя учрежденія и зорко слѣдить за правильнымъ развитіемъ науки и за всѣми научными открытіями, дабы имѣть возможность использовать ихъ въ цѣляхъ государственнаго благоустройства. Само собою разумѣется, что высшая школа не должна сводить свои задачи къ выдачѣ дипломовъ на служебныя права, какъ это практикуется у насъ нынѣ, а должна быть лишь истиннымъ свѣточемъ научнаго образованія и просвѣщенія, центромъ движенія науки и мѣстомъ подготовки научныхъ дѣятелей.

Какъ необходимый выводъ изъ этого положенія является автономія высшихъ школъ, свобода преподаванія и правильно понятая свобода ученія.

Нельзя допустить, чтобы высшее университетское образованіе было привилегіей только учениковъ гимназій, а не всѣхъ вообще лицъ, успѣшно закончившихъ среднее образованіе, которые желаютъ продолжать это образованіе въ высшей школѣ. Трудно помириться также и съ тѣмъ, чтобы высшія школы вмѣсто желательнаго расширенія своихъ стѣнъ сообразно растущимъ потребностямъ въ образованіи ограничивали свой пріемъ опредѣленнымъ штатомъ и чтобы воспитанники гимназій были ограничены въ своемъ стремленіи достигнуть высшаго образованія возможностью поступить лишь въ ближайшій университетъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Россіи.

Но даже съ высшимъ образованіемъ еще не завершается развитіе и совершенствованіе личности. Окончательное завершеніе этого развитія создается, какъ уже было ранѣе сказано, социальными условіями окружающей среды.

Здѣсь мы сталкиваемся съ весьма крупнымъ и важнымъ вопросомъ о взаимоотношеніи личности и той социальной среды, въ которой проявляетъ себя личность.

Нѣтъ надобности говорить, что первобытныя общественныя группы не допускаютъ никакого индивидуализированія от-

дѣльных членовъ общества, иначе говоря, они построены на отрицаніи самостоятельнаго проявленія личности, которая вполнѣ поглощается обществомъ. Такъ какъ жизнь въ такихъ первобытныхъ обществахъ, какую бы форму они не принимали, сосредоточивается на цѣломъ, то личность въ нихъ вполнѣ подавлена общимъ строемъ, который строго регламентируетъ по тѣмъ или другимъ обыкновенно чисто внѣшнимъ особенностямъ ея положеніе въ государствѣ, подчиняя контролю всѣ ея проявленія, не исключая даже убѣжденій, образа мыслей и пр.

Вѣрнѣе сказать, личность въ общественномъ смыслѣ здѣсь не существуетъ, она признается самое большее въ семейномъ очагѣ, хотя и здѣсь ея роль вводится въ опредѣленные рамки, освященные обычаями. Рабство и гнетъ съ одной стороны и деспотство власти съ другой являлись той естественной формой, въ которую выливались всѣ взаимоотношенія личности и общества въ такихъ первобытныхъ культурахъ. Основанныя на отрицаніи личности эти культуры признавали вполнѣ умѣстнымъ и законнымъ примѣненіе пытокъ и казней и даже совмѣщали съ общественными интересами всѣ ужасы инквизиціи. Это порабощеніе личности проявлялось не въ однихъ только отношеніяхъ ея къ обществу, но и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и даже въ наукѣ.

Съ теченіемъ времени однако выяснилось, что отрицаніе личности носить въ себѣ и зародышъ разложенія общества. Несмотря на утонченную регламентацію всякаго внѣшняго проявленія личности и кажущійся внѣшній порядокъ, внутренняя сила общества стала изсякать вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оказалось, что оно состоитъ изъ рабовъ съ одной стороны и властителей съ другой.

Благодаря этому, даже такіе государственные колоссы, какъ древняя Римская имперія, распались отъ сравнительно незначительнаго внѣшняго толчка. Да и могло ли быть иначе, когда верхніе слои общества развращались богатствомъ и упоеніемъ власти, а низшіе слои представляли изъ себя нищихъ и рабовъ со всѣми присущими имъ нравственными качествами и пороками. Къ сожалѣнію внутренней смыслъ такихъ событій, какъ разложеніе древней Римской

имперіи, не послужилъ добрымъ примѣромъ для государствъ Европы и та же исторія повторяется съ ними и въ позднѣйшее время.

Но мало по малу путемъ долгой и упорной борьбы въ культурныхъ государствахъ начинается заявленіе правъ человеческой личности. Въ исторіи европейскихъ народовъ оно сказалось первоначально освобожденіемъ личности въ наиболѣе высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа—въ наукѣ и искусствѣ, ознаменовавшись извѣстной эпохой Возрожденія, затѣмъ освобожденіе коснулось религіи въ періодъ Реформаціи и наконецъ позднѣе всего оно проявилось въ общественныхъ отношеніяхъ во времена великой революціи.

Хотя эти три этапа въ борьбѣ личности за свои права обнаружались въ разныхъ частяхъ европейскаго материка, но, благодаря взаимоотношенію народовъ, ихъ вліяніе распространилось на всѣ вообще государства Европы или, точнѣе говоря, на всѣ народы, считающіе себя въ средѣ европейской цивилизаціи.

Мало по малу то раньше, то позже и въ другихъ странахъ Европы стали исчезать принудительныя формы, стѣснявшія личность въ исканіяхъ научной истины и въ творчествѣ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и въ проявленіяхъ общественныхъ отношеній.

Въ Россіи освобожденіе личности началось съ 60 годовъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права; но это былъ лишь первый шагъ, за которымъ послѣдовали новые и новые тормазы въ дѣлѣ освобожденія личности, и тиски, изъ которыхъ начала было высвобождаться личность, снова стали надавливать сильнѣе. Напрасно общественныя силы истощались въ борьбѣ съ послѣдующимъ тяжелымъ режимомъ, напрасно приносились многочисленныя жертвы на алтарь общественной жизни, напрасно лучшіе умы времени возвышали свой голосъ за права общества и народа!

Тиски сжимались съ неумолимою силою, уже боль отъ ихъ давленія начинала замирать, еще немного и казалось общественная жизнь могла погаснуть на вѣки. Но внезапный тяжелый ударъ грома съ зловѣщей молніей въ видѣ русско-японской войны, отразившись мучительною болью въ сердцахъ

русскихъ людей, оглушилъ въ тоже время и бездарныхъ угнетателей; тиски подались... и едва дышавшій организмъ встрепенулся въ предвидѣніи своего близкаго освобожденія.

Нужно ли повторять, что всякая государственно-общественная организація, нивелирующая всѣ индивидуальныя особенности своихъ сочленовъ и въ корнѣ подавляющая всѣ самостоятельныя проявленія личности, тѣмъ самымъ обрекаетъ послѣднюю на пассивную и жалкую роль послушнаго автомата, лишеннаго всякой самостоятельности и инициативы. Вытравливаніе духа оппозиціи, съ котораго обычно начинается правительственный гнетъ надъ личностью, приводитъ къ тому порабощенію духа, въ которомъ уже нельзя открыть слѣдовъ здоровой критики, свободнаго полета мысли и стойкости убѣжденій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваются и столь существенно—важныя нравственныя особенности характера, какъ чувство чести и личнаго достоинства, обезпечивающія человѣка отъ нравственной гибели.

На мѣсто этихъ качествъ выступаютъ: лесть, низкоклонство и жалкое лицемѣріе, приводящія къ созданію молчалинскихъ типовъ съ ихъ мелкимъ эгоизмомъ, приниженностью и вѣчнымъ страхомъ предъ властью имущими.

Вотъ почему правильно организованная общественная дѣятельность на началахъ самоуправленія и свободно избраннаго представительства есть лучшая школа для окончательнаго развитія и воспитанія личности и созданія народнаго характера. Здѣсь въ практическомъ общеніи съ себѣ подобными на почвѣ общественныхъ интересовъ завершается воспитаніе личности и развертывается та ея мощь, которая является результатомъ долгаго и упорнаго подготовительнаго труда.

Широкая общественная дѣятельность является той школой жизни, которая, умѣряя порывы, способствуетъ развитію самообладанія и сдержанности, которая заставляетъ съ уваженіемъ относиться къ чужому мнѣнію и которая закаляетъ характеры.

Въ этой общественной дѣятельности правильное воспитаніе личности возможно однако лишь при условіяхъ свободнаго соревнованія ея во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности и при свободномъ обмѣнѣ мнѣній. Только это свободное

соревнованіе при свѣтѣ гласной критики и общественнаго контроля обезпечиваетъ полный расцвѣтъ личности и гарантируетъ ее отъ той пассивности, которая приводитъ къ немощи духа и его порабощенію.

Вообще условія общественной жизни должны быть благоприятными для развитія личности и не должны содержать тѣхъ безчисленныхъ путей, которыми обычно оцѣпляютъ правительства свои народы, признавая преступнымъ даже самое слово „свобода“. Нужно вообще имѣть въ виду, что свободное развитіе общественной дѣятельности представляетъ лучшую гарантію правильнаго и здороваго развитія личности.

Опека нужна лишь для малолѣтнихъ и недоразвитыхъ, но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сдѣлался взрослымъ и личность его достигла извѣстнаго развитія, опека становится тѣмъ ярмомъ, подъ тяжестью котораго задыхается личность. Поэтому свобода слова, печати, союзовъ, собраній и совѣсти при неприкосновенности личности и жилища являются вполне понятнымъ лозунгомъ самоопредѣляющейся личности, ищущей выхода изъ-подъ тяжелаго гнета, пока еще сохранилась въ ней жажда правды и пока пламень надежды на лучшее будущее еще теплится въ сдавленной груди.

Въ самоуправляющемся обществѣ можетъ быть только одна опека — это общественная критика и общественный же контроль надъ различными отраслями управленія, которые именно и вводятъ личность въ здоровыя условія соціальной дѣятельности. Общественное самоуправленіе и правильно организованное представительство съ правами законодательной власти, избранное всѣмъ населеніемъ страны путемъ всеобщаго и равнаго голосованія являются поэтому той жизненной ареной, гдѣ личность совершенствуется въ своемъ окончательномъ развитіи и гдѣ это развитіе достигаетъ своей наибольшей высоты.

Нужно ли говорить, что при условіяхъ самоуправленія на началахъ представительства имѣется широкій просторъ для дѣятельности наиболѣе талантливыхъ и способныхъ личностей, которыхъ выдвигаетъ впередъ сама жизнь. Еще D. St. Mill имѣлъ въ виду эту мысль, заявивъ, что „геній можетъ свободно дышать только въ атмосферѣ свободы“.

Независимо отъ всего прочаго нельзя забывать, что, какъ ни велика сила въ отдѣльности взятой активной личности, способной увлечь за собою массы, но великія событія оказываются возможными лишь при общей солидарности массъ. Послѣднія въ этомъ случаѣ являются такою силой, предъ которой меркнетъ и ступевывается сила отдѣльныхъ личностей. Вотъ почему объединеніе народной мысли путемъ печати, союзовъ и собраній при свободномъ обмѣнѣ мнѣній является тѣмъ могущественнымъ рычагомъ, который обезпечиваетъ успѣхъ дѣла тамъ, гдѣ онъ казался недостижимымъ для отдѣльныхъ лицъ, лишенныхъ общественной связи и солидарности.

Далѣе, если мы примемъ во вниманіе, что каждый народъ представляетъ собою лишь собирательную личность, живущую въ семьѣ другихъ народовъ, близкихъ съ нимъ по культурѣ и взаимному общенію, то очевидно, что историческій опытъ народовъ, ранѣе вошедшихъ на арену свободной общественной жизни, не остается безъ вліянія на судьбу народовъ младшихъ по своей культурѣ и образованію. Въ силу этого, послѣдніе, благодаря обмѣну идей и преемственности культуръ, переживаютъ въ значительно болѣе короткій срокъ то, что составляло долгіи періодъ въ исторіи болѣе старшихъ по культурѣ народовъ. Поэтому нечего удивляться, что младшіе по культурѣ народы стремятся идти въ дѣлѣ общественнаго устройства шагъ въ шагъ съ народами болѣе старой культуры.

Могутъ однако сказать, что опека надъ личностью необходима въ цѣляхъ сплоченія государства. Вопросъ этотъ существенно важенъ лишь для государствъ, состоящихъ изъ разныхъ народностей, имѣющихъ свои національныя особенности. Но прочное сплоченіе разноплеменныхъ государствъ никогда не можетъ быть достигнуто путемъ насильственнаго подавленія личности и національныхъ стремленій. Сила оружія имѣетъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока отточены клинокъ, готовый поразить всякаго ослушника. Но, такъ какъ государство не можетъ находиться въ постоянномъ напряженіи изъ-за внутреннихъ взаимоотношеній, то и сплоченіе его, основанное на силѣ оружія и подавленіи личности является лишь фикціей, которая временно приводитъ къ

порядку и успокаиваетъ власти, закрывая дѣйствительное положеніе вещей.

Если въ старое доброе время, когда личность была вообще неразвита, сила оружія могла сплачивать государства лишь на тотъ или другой періодъ исторіи, то можемъ ли мы на этой шаткой основѣ ожидать въ настоящее время прочнаго государственнаго сплоченія.

По нашему глубокому убѣжденію здѣсь, какъ и во всѣхъ вообще социальныхъ группахъ, прочное сплоченіе, кромѣ началъ племенного родства и біологическаго смѣшенія народностей, можно ожидать лишь на основахъ нравственной и умственной связи и общихъ экономическихъ, политическихъ и правовыхъ интересовъ. Чѣмъ тѣснѣе развиваются эти нормальныя естественныя связи между отдѣльными особями и народностями, входящими въ данный социальный союзъ, тѣмъ прочнѣе онѣ сливаются въ одно социальное цѣлое, которому не будутъ страшны ни внутреннія неурядицы, ни внѣшніе толчки и которое можетъ спокойно развиваться на условіяхъ самаго широкаго самоуправленія.

Само собою разумѣется, что личная свобода и мѣстная автономія должны быть строго согласованы съ интересами общаго социальнаго тѣла; при этомъ никогда не должно упускать изъ виду, что бгъ преуспѣянія отдѣльныхъ частей на началахъ свободнаго развитія всегда выигрываетъ и цѣлое.

Къ сожалѣнію, условія общественной жизни не вездѣ слагаются благопріятно для народовъ и нѣкоторые изъ нихъ гибнутъ ранѣе, чѣмъ возникнутъ первыя ростки свободной общественной жизни. Да и тамъ, гдѣ народъ достигаетъ самоуправления на началахъ представительства, оно приобретаетъ лишь путемъ долгой и упорной борьбы личностей, отстаивающихъ права народа.

Лишь мало по малу изъ подъ тяжелаго гнета деспотскаго строя, несметря на удушливую атмосферу и отсутствіе свѣта, пробиваются молодые, зеленые побѣги общественнаго самознания и живой мысли; они то и служатъ первымъ вѣстникомъ новой зари, приводящей къ единенію общественныхъ силъ и къ жаждѣ общественнаго правопорядка. Мало по малу сумракъ ночи просвѣтляется, долго стоявшій туманъ разсѣи-

вается и чувствуется дыхание жизни тамъ, гдѣ царствовалъ глубокой безмятежный сонъ. Быстро и вѣрно вмѣстѣ съ утренней зарей врывается свѣжая струя въ удушливую атмосферу и начинаетъ слышаться дыханіе чистаго оживляющаго воздуха, предвѣстника общаго пробужденія и жизни.

Вотъ почему борьба за свободу личности является въ то же время и борьбой за правильное и здоровое ея развитіе, а права личности есть показатель ея развитія, какъ соціальной единицы.

Уваженіе личности человѣка, какова бы происхожденія онъ ни былъ, признаніе ея правъ выше всякихъ иныхъ и общее уравниеніе этихъ правъ является первымъ и основнымъ условіемъ всякой гражданственности. Всякія ограниченія, какъ напр. сословныя, вѣроисповѣдныя и прочія искусственныя насажденія, оставшіяся до нашихъ дней въ видѣ жалкаго пережитка отъ временъ давняго рабства, должны быть отброшены, какъ естественныя тормазы прогрессивнаго развитія личности.

Свобода личности, обезпечивающая развитіе новой духовной жизни народа, предполагаетъ и достиженіе того этического идеала, который засвѣтился надъ человѣчествомъ еще 19 слишкомъ вѣковъ тому назадъ, но который меркнетъ и тускнетъ на нашихъ глазахъ подъ ударами постоянно гнетающаго человѣчество безправія. Не даромъ девизъ свободы неразрывно соединяется съ девизомъ равенства и братства.

Вотъ что между прочимъ читаемъ мы у G. Tarde'a: „Тамъ далеко, очень далеко въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ грядущихъ вѣковъ, видите ли вы маленькую свѣтлую точку, восходящую на горизонтѣ звѣздочку. Она уже когда-то свѣтила надъ землей... Эта звѣздочка не блуждающій огонекъ — это свѣтъ, который спасетъ насъ. Это заря новаго христіанства совершенно спиритуальнаго, нѣкой новой религіи высшей и нѣжной. Во имя ея снова когда-нибудь соберутся всѣ люди, снова раздастся слово спасенія самое простое, самое глубокое и самое непонятное, которое когда-либо слышало человѣчество: люди, любите другъ друга, вы всѣ братья, ибо... рабство, это злоба и зависть, которыя

заковываютъ насъ въ кандалы и замуровываютъ нашу мысль, а свобода, вѣрьте мнѣ, это братство, свобода—это любовь“¹⁾.

Гражданская и политическая свобода личности—это есть въ то же время краеугольный камень и основное условіе жизнеспособности современнаго государства. Права личности и законность, гарантирующія свободное пользованіе этими правами,— вотъ тѣ устои современной гражданственности, которыя одни даютъ правильныя основы для нормальнаго роста личности и для свободнаго развитія всѣхъ присущихъ ей качествъ.

Мы вполне присоединяемся къ словамъ Леруа Болье, сказаннымъ имъ на лекціи о Франціи и южныхъ славянахъ: „Главное условіе для культурной жизни народа, это его свобода умственная, экономическая и политическая; только при этихъ условіяхъ народъ можетъ развить свои силы и свой національный гений!“

Что же послѣ всего этого намъ остается сказать по отношенію къ личности русскаго народа, — личности, которая систематически угнетается въ семьѣ и въ школѣ, которая опутывается повсюду рутиной и которая задыхается въ тискахъ формализма и безправія, какъ въ душной тюремной кельѣ, лишенная свѣта и воздуха?

Да! мы должны сказать слово за личность русскаго народа.

Мы не будемъ при этомъ вспоминать тяжелое прошлое русскаго народа, сдѣлавшееся уже достояніемъ исторіи; не будемъ останавливаться и на его безотрадномъ настоящемъ, наводящемъ на грустныя размышленія, но, радостно привѣтствуя эпоху политическаго возрожденія русскаго народа и надѣясь на болѣе свѣтлое будущее, мы скажемъ здѣсь за личность нашего народа словами его великаго поэта:

„Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня“...

¹⁾ Баженовъ. Г. Тардъ. Личность, идеи и творчество. Вопросы философіи и психологіи. Май и Іюнь 1905.

Вырождающіеся. Д-ра Маньянъ и Легрэнъ. Перев. съ франц. д-ра Ю. В. Португалова, съ предислов. проф. В. М. Вехтерева. 1903, ц. 1 р.

Въ этомъ трудѣ особенно мастерскимъ изложеніемъ отличаются главы, посвященныя описанію психическаго состоянія вырождающихся. Здѣсь авторы даютъ необычайно тонкій и глубокой анализъ психической жизни вырождающихся во всѣхъ ея проявленіяхъ и отгѣнкахъ. Самое описаніе настолько выпукло, что читатель, внимательно пробѣжавшій эти страницы, вынесетъ безъ сомнѣнія полное и картинное представленіе о жизни и характерѣ вырождающагося, начиная отъ его колыбели до послѣднихъ дней жизни. Не мало вниманія удѣляютъ авторы также и крайне важному вопросу о навязанныхъ и мимовольныхъ состояніяхъ, этихъ обычныхъ спутниковъ вырожденія, причемъ на ряду съ тонкимъ анализомъ, они даютъ обстоятельное объясненіе психофизическаго механизма этихъ своеобразныхъ болѣзненныхъ расстройствъ. Наконецъ, авторы даютъ въ своей книгѣ прекрасный критическій разборъ ученій о преступности, съ которой вырожденіе имѣетъ такъ много точекъ соприкосновенія.

Научно-популярная оптическая гигиена главъ д-ра М. Рейха. Для родителей, педагоговъ, учителей, врачей не-окулистовъ, студентовъ, образованныхъ людей вообще. 2-ое издан. Съ 22 рис. 1902, ц. 1 р.

Сочиненіе удостоено золотой медали на 1 Всероссийской Гигиенической Выставкѣ. Одобрено ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. для фундамент. библ. средн. учебн. зав.

Какъ приобретаются болѣзни желудка. Публ. лекція д-ра Е. Э. Вагнера. Съ 7 рис. 1893, ц. 40 к.

Вестъа о дифтеритѣ и о мѣрахъ противъ него. Санит. врача Н. А. Золотавина. 1898, ц. 20 к.

Дифтеритъ. Общедоступн. изложеніе для братьевъ и сестеръ милосердія, родителей и друг. д-ра Гр. Каменева. Съ 3 рис. 1882, ц. 30 к.

Чахотка и основы ея лѣченія, по гигиено-діететическому методу. Соч. д-ра Ив. Габриловича. Главн. врача сан. Халила. 1896, ц. 1 р. 20 к.

Великое зло. (О венерическ. болѣзняхъ: переложъ, мягкомъ шанкрѣ, сифилисѣ). Общедоступное изложеніе прив.-доц. М. А. Членова. 1904, ц. 1 р. 20 к.

Излечимость сифилиса. Соч. проф. В. М. Тарновскаго. 3-е изд. 1904, ц. 80 к.

О запасныхъ силахъ организма и о значеніи ихъ въ борьбѣ съ болѣзнями. Рѣчь проф. В. В. Подвысоцкаго. 1894, ц. 40 к.

Кефиръ, лѣчебный напитокъ изъ коровьяго молока. Соч. В. Н. Дмитриева. 7-е просмотр. авторомъ изданіе. 1899, ц. 60 к.

Между препаратами молока, послѣ кумыса, кефиръ занимаетъ первое мѣсто по своему благотворному вліянію на питаніе, а по удобству приготовленія, по своей распространенности, независимости ни отъ времени года, какъ кумысъ, ни отъ мѣстности, кефиръ долженъ быть поставленъ выше кумыса. Питательное значеніе кефира доказано уже многол. практикою и строго научн. изслѣдованіями.

- ✓ **Оздоровляющія и дѣлительныя силы въ природѣ.** Рѣчь д-ра Л. Вертенсона. 1899, въ пер. ц. 1 руб.
- ✓ **Кефиръ и примѣненіе его при дѣтскихъ болѣзняхъ.** Соч. д-ра А. Гиршъ. Съ портретомъ д-ра В. Н. Дмитріева. 1905, ц. 40 к.
- ✓ **О кумысѣ и его употребленіи въ легочной чахоткѣ и другихъ искусственн. болѣзняхъ.** Д-ра Д. А. Каррика. 2-е просм. изд. 1903, ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.
- ✓ **Очеркъ современной постановки кумысолечения въ виду борьбы съ туберкулезомъ и указатель кумысолечебныхъ заведеній, кумысныхъ селеній, хуторовъ и кочевокъ Россійск. Имперіи, Н. А. Золотавина. 1902, ц. 70 к.**
- Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границею.** Классификація, химическій составъ, дѣйствіе и показанія къ употребленію. Путеводитель по лечебнымъ мѣстностямъ, сост. д-ромъ Л. Вертенсономъ. 4-е соверш. перер. знач. дополн. изд. 1901, ц. 6 р. 80 к.
- ✓ **О Занкани.** Соч. проф. И. А. Сикорскаго. 1889, ц. 3 р.

Весь этотъ капитальный трудъ состоитъ изъ 6 отдѣловъ. Внимательное ознакомленіе съ 6 отдѣломъ можетъ быть полезнымъ не только врачу, но и педагогу, поставленному въ необходимость имѣть дѣло съ учащимися занками дѣтьми. Ознакомленіе же особенно съ 4 отдѣломъ заслуживаетъ общаго вниманія, потому что авторъ изслѣдуетъ здѣсь такіе общинтересные вопросы, какъ вліяніе на занканіе возраста, пола, наслѣдственности, національности, профессіи и различнаго рода психическихъ аффектовъ, вопросы, по которымъ до сего времени сдѣлано еще очень мало сколько-нибудь полезныхъ указаній.

„Новое Время“ 1889, № 1886.

Бесѣды по гигиенѣ, въ примѣненіи ея къ народной школѣ. д-ра Н. И. Тезикова. 4. дополн. и исправл. изд. Съ 7 рис. 1904, ц. 60 к.

Во всякомъ случаѣ данныя „Бесѣды“, представляясь изъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время въ русской медиц. литературѣ оригинальныхъ руководствъ по школьной гигиенѣ, наиболѣе полно составленными, изложенными въ девяти главахъ ясно, просто и научно по прежнему заслуживаютъ должнаго вниманія и еще болѣе распространенія.

Медицинское Обозрѣніе 1902, № 22.

Здравосохраненіе личное и общественное. Краткое руководство для учебныхъ заведеній и для всеобщаго употребленія. Сост. д-ръ мед. Е. Ф. Трояковскій, преподаватель попул. мед. при Островскомъ Гор. Учил. 1804, ц. 1 р. 40 к., въ пер. 1 р. 80 к.

Пиво и водка и ихъ значеніе для народнаго здравія, проф. И. Розенталя. Перев. съ 2-го нѣм. изд. д-ра А. Ильина. 1893, ц. 50 к.